

Луи АРМСТРОНГ:

«МОЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ ГРЕХ — ЦВЕТ КОЖИ»

Недавно исполнилось 70 лет выдающемуся негритянскому певцу и музыканту Луи Армстронгу. Сегодня мы печатаем рассказ Армстронга о себе самом, опубликованный в зарубежной прессе.

КОГДА я сегодня говорю в микрофон «Привет, друзья», то это уже никого не удивляет, это кажется вполне естественным. Но я-то помню время, когда все было не так просто. В 1931 году меня пригласили выступить в моем родном Новом Орлеане. Концерт проходил в великолепном зале «Саббиан Гарденс», имевшем на радио свою собственную передачу. До меня на его сцене играли исключительно белые музыканты. Обстановка в тот вечер была нервной. Пятьдесят тысяч человек — «цветных» в напряженном ожидании прильнули к своим радиоприемникам. В последний момент диктор-южанин заявил: «Я отказываюсь представлять этого негра». Мой импресарио бросился ко мне в страшном волнении. Тогда я подошел к своим парням из оркестра и сказал: «Дайте мне один аккорд». Прозвучал шумный аккорд, и я сам начал вести концерт. Впервые за всю историю Америки негр выступал по радио в южных штатах.

Теперь мне семьдесят. Родился я в Новом Орлеане и с тех пор много поколесил по Югу нашей страны. В 30-е годы мы обычно ездили по тем местам в большом «Паккарде». Как правило, нам не удавалось найти места для ночлега в самих городах. Тогда мы съезжали с шоссе в сторону и устраивались на ночь в машине. Нас не пускали в отели ни за какие деньги. Играли мы в роскошных

залах, где для негра не находилось даже несчастного закутка. Поэтому в перерывах приходилось выходить на улицу в холодную, дождливую темень.

Благодаря тому, что я — Луи Армстронг, хозяева некоторых крупных отелей разрешают мне останавливаться у них. Что же касается обедов в ресторане, то здесь все остается по-старому.

В 1930 году я впервые попал в Голливуд, чтобы сниматься в фильме «Хлопковый клуб». Там я познакомился с Бингом Кросби. К тому времени я уже был известным музыкант. И все же мне не удалось снять комнату в Лос-Анджелесе. Пришлось жить на окраине, в специальных отелях для негров. По вечерам меня часто приглашали на праздники в Голливуд. От этих торжеств у меня навсегда остался горький привкус. Я сидел, как отверженный, боясь пошевелиться, опасаясь сделать что-нибудь не то и не так. Какое уж тут веселье! К 50-м годам я уже снялся во многих фильмах. Почти всегда меня показывали крупным планом. У меня был даже индивидуальный оператор. Но двери отелей оставались для меня закрытыми.

В фильмах я играл со многими известными актерами и кинозвездами. На работе все относилось ко мне хорошо. Но и тогда, и теперь мы не поддерживали никаких отношений с людьми за пределами

киностудий. Меня никогда не приглашали в гости даже те, с кем я неоднократно снимался во многих фильмах. Нет нужды глубоко залезать в душу людей, чтобы понять, как к нам, неграм, относятся. И хотя сейчас, многие предпочитают скрывать свои расовые предрассудки, они, эти предрассудки, очень живучи.

Музыка — это моя жизнь и я живу, чтобы играть. Я уже говорил, что мне приходилось много ездить. За свою жизнь я провел в дороге больше времени, чем какой-нибудь дорожный инспектор. На чем я только не ездил за последние сорок лет!

До сих пор 10 месяцев в году уходят на гастрольные поездки. Так что можно понять, почему меня так волнует проблема отелей. До 1940 года я вообще не мог устроиться ни в одной из обычных гостиниц как на Юге, так и на Севере. Теперь на Севере мы уже кое-что добились. Но и до сих пор над нами висит угроза столкнуться с этим треклятым предрассудком. Не так давно во время гастроль на востоке страны мы зашли в отель, где для нас были забронированы комнаты. Но администратор сказал, что, как ему ни жаль, но все комнаты заняты. Он якобы не подорожал, что Луи Армстронг — негр. К такому не привыкнешь, подобные случаи всегда причиняют боль. Ты приходишь после концерта из восторженно аплодировавше-

го тебе зала, где люди благодарят тебя за твою работу, и... сразу же словно попадаешь под холодный душ.

Я был бы очень рад, если бы имел возможность сказать, что на Юге хоть что-то изменилось с тех пор. Но... В некоторых городах меня уже хорошо принимают, но лишь потому, что я — Луи Армстронг, а не потому, что произошли какие-то перемены. В Майами сегрегация невообразимая...

На протяжении почти сорока лет меня не покидает чувство настороженности, ощущение опасности. Я до сих пор избегаю приемов, куда меня приглашают «тугие кошельки». Ведь эти же самые люди из «сливок общества» способны тут же за углом линчевать негра. Конечно, пока они слушают музыку, они забывают об этом. Мы несем им радость и наслаждение, и они готовы терпеть нас.

Мне хочется, чтобы вы поняли самое главное. Я не требую ни поцелуев, ни объятий. Просто я хочу, чтобы со мной обращались как с человеком. Несколько лет назад власти Нового Орлеана вручили мне ключи от города. В 1959 году там был открыт парк имени Луи Армстронга, но я до сих пор не могу свободно выступать в Новом Орлеане, на своей родине. В этом штате существует закон, запрещающий совместное выступление белых и негров. Мне предлагали играть без двух моих белых музыкантов, но я никогда не соглашусь на это. Одна из песен моего репертуара называется «Черный и печальный». Есть там такие слова:

Когда же все это кончится?
У меня нет друзей.
А мой единственный грех —
Цвет моей кожи.

Что же я такого сделал?
За что я такой черный
и печальный?

Я думаю, что нас ждет еще очень долгая дорога на пути к полному равенству. Что же касается моего будущего, то я не думаю, что когда-нибудь оставлю свою трубу. Правда, собираюсь прекратить гастрольные поездки. Совсем недалеко от моего дома в Куинзе есть уютный бар на улице Астория. Простой, ничем не примечательный уголок. Мне хотелось бы обосноваться там. Небольшая сцена, маленький оркестр, и мои старые друзья — если они захотят вечером послушать меня.